

Словацкий Юлиуш

**Три драмы: Балладина.
Лилля Венеда. Гелион-
Эолион**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю35

Ю35 **Юлиуш С.**
Три драмы: Балладина. Лилля Венед. Гелион-Эолион / Словацкий Юлиуш –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 437 с.

ISBN 978-5-519-73943-6

ISBN 978-5-519-73943-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Балладина. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.	1
Лилія Венета	239
Геліонъ-Эоліонъ. Отрывки изъ драмы	397

БАЛЛАДИНА.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

О „БАЛЛАДИНЪ“.

Лирическая драма Словацкаго, „Балладина“, самая очаровательная изъ всѣхъ его пѣвучихъ и ярко-красочныхъ драмъ, основана на народномъ преданіи о двухъ враждующихъ сестрахъ,—преданіе, повторяющееся въ фольклорѣ всѣхъ временъ и странъ и отразившееся между прочимъ въ области Польской Народной Пѣсни, и въ богатомъ мірѣ Русской Народной Сказки. Самъ Словацкій вполне четко ощущалъ, что эта его драма есть поэтическое отображеніе Польскаго народнаго духа въ его первичныхъ состояніяхъ.

Глубокій и воздушно-идеальный какъ Шелли, Словацкій особенно любилъ эту весеннюю сказку, полную тончайшихъ ощущеній. Въ одномъ изъ писемъ къ своей матери, съ которой всю жизнь онъ поддерживалъ чрезвычайно интересную переписку, онъ говоритъ: „Въ прошломъ мѣсяцѣ (ноябрь и декабрь 1834-го года), я написалъ новую театральную пьесу—родъ трагедіи, подъ заглавіемъ „Балладина“. Изъ всѣхъ произведеній, вышедшихъ до сей поры изъ моего мозга, трагедія

эта есть лучшее. Особенно потому, что она открыла мнѣ новую дорогу, новую страну въ поэзіи, куда до сей поры еще никто не проникалъ,—идеальный край, болѣе обширный, чѣмъ эта бѣдная земля. Ты увидишь однажды, что это за дивная страна, какія это странные времена. Вся трагедія напоминаетъ старую балладу, и написана такъ, какъ могъ бы сложить ее самъ народъ; баллада вполне противорѣчащая исторической правдѣ, иногда даже и правдоподобности. Людей однако я старался сдѣлать вполне реальными, такими, чтобъ въ груди у нихъ были сердца, подобные нашимъ. Я не могу тебѣ здѣсь изъяснить, что составляетъ драматическій интересъ моей трагедіи. Если у нея есть родственное сходство съ какой-нибудь извѣстной пьесой, такъ это съ „Королемъ Лиромъ“ Шекспира. О, если бы когда-нибудь ее поставили наряду съ „Королемъ Лиромъ“! Шекспиръ и Данте теперь мои любимые поэты, и это такъ уже два года. Чѣмъ больше въ нихъ вчитываюсь, тѣмъ больше открываю въ нихъ красоты“.

Намъ, современнымъ читателямъ, сходство нѣкоторыхъ сценъ съ соотвѣтственными сценами „Короля Лира“ и „Макбета“ не помогаетъ, а вредитъ въ художественности и силѣ впечатлѣнія. Мы слишкомъ хорошо знаемъ Шекспира и сроднились съ нимъ отъ юныхъ дней. Но припомнимъ, что это было не такъ—въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX вѣка. Славянская слава Шекспира была тогда еще въ будущемъ. Припомнимъ также, что

Словацкому, когда онъ создавалъ свою Балладину, было всего лишь 24 года, а также и то, какое сильное вліяніе Шекспира мы видимъ въ произведеніяхъ нашего величайшаго генія, Пушкина.

Интересно отмѣтить, что Мицкевичъ, который раньше былъ другомъ Пушкина, а потомъ его врагомъ, и который раньше былъ врагомъ Словацкаго, а потомъ его другомъ, мало чувствовалъ красоту и силу творчества Словацкаго, въ виду полного несходства ихъ основныхъ свойствъ—Мицкевичъ реалистъ, Словацкій импрессионистъ. Красинскій же, извѣстный въ Россіи, какъ авторъ нѣсколько разъ переводившейся геніальной „Небожественной Комедіи“ и исторической драмы „Иридіонъ“, имѣлъ гораздо болѣе внутренняго сродства со Словацкимъ, и весьма высоко цѣнилъ его поэтическія свершенія.

Отвѣчая Словацкому на посвященіе этой драмы ему, Красинскій, проводя параллель между *двумя высокими духами Польши*, Мицкевичемъ и Словацкимъ, говоритъ: „То, что я думалъ прежде о сестрѣ Алинѣ, Балладинѣ, я думаю еще и теперь. Это сонъ въ лѣтнюю ночь. Нѣтъ ничего на свѣтѣ болѣе совершеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе реальнаго по формѣ и глубинѣ. Словацкій (второй духъ—въ терминологіи Красинскаго) отъ природы имѣлъ то, что недоставало Мицкевичу (первому духу). Онъ владѣлъ Польскою рѣчью такъ, какъ владѣютъ любовницей, готовою на все по малѣйшему знаку. На смерть по одному повелѣнію, на жизнь по одному взгляду. Какъ бы маги-

чески владѣть онъ ею, угадываетъ ее, такъ что не онъ ищетъ ее и гонится за ней, а она преслѣдуетъ его, умоляетъ, и говорить: Позови меня—и я прибѣгу, покажи мнѣ на Небо—и я улечу къ нему, укажи мнѣ пальцемъ Адъ—и я сойду въ Преисподнюю. Хочешь, я застыну въ неподвижную глыбу? Смотри—я мраморъ. Или обращусь въ облачко? Смотри, какъ я голубью, синью, дѣлаюсь прозрачной, растекаюсь, совсѣмъ почти уничтожаюсь, и все же остаюсь всегда твоей. Этотъ второй духъ распространилъ свое владычество на всѣ горизонты фантазіи. То, что у перваго было—цѣльность гранитная, твердая, поглощающая весь міръ, сжимающая Вселенную въ тѣсномъ своемъ охватѣ, сдѣлалось здѣсь расплывомъ, возвратомъ въ безграничное пространство, въ струистость свѣта, въ игру красокъ, въ волны музыки, въ ароматы цвѣтовъ, во все то, что хочетъ съ силой разорваться и разлиться во всѣ стороны, чтобы искать никогда не найденнаго Бога. Въ этомъ второмъ духѣ—пантеистическая форма. Въ мірѣ онъ, какъ зеркало морей, отражаетъ все: солнца, луны, ангеловъ, боговъ, и демоновъ. Ты знаешь, что этотъ второй духъ, это—ты“.

Посвящая свою драму Красинскому, Словацкій говорилъ:

„Возлюбленный поэтъ Развалинъ,

„Я пишу къ тебѣ, и позволь мнѣ начать съ поученія, которое мнѣ рассказали надъ Саламинскимъ заливомъ.

„Старый игральщикъ на арфѣ, слѣпой, съ острова Сціо, пришелъ къ берегамъ Эгейскаго моря, и услышавши волны, ломающіяся съ великимъ шумомъ, думалъ, что шумъ тотъ—отъ гула толпы, что сбѣжалась рыцарскихъ пѣсенъ послушать. Итакъ оперся онъ на арфу, и пѣлъ пустынному берегу моря. Когда же онъ кончилъ, то задивился, что ни одного человѣческаго возгласа, ни одного вздоха, ни одного его пѣснь не снискала рукоплесканія. И бросилъ онъ арфу прочь далеко отъ себя, а тѣ волны, которыя пѣвецъ считалъ людской толпою, отнесли назадъ золотой инструментъ его пѣсни и положили его у ногъ его. И отошелъ отъ арфы своей опечаленный Эллинъ, не зная, что самая красивая рапсодія не въ сердцахъ людей утонула, а въ глубинѣ Эгейскаго моря.

„Возлюбленный Иридѳонъ! Это сказаніе о волнахъ и слѣпецъ съ арфой замѣняетъ какое-либо предисловіе къ „Балладинѣ“. Выходить въ міръ Балладина, съ аріостовской усмѣшкой на лицѣ, одаренная внутренней силой надругательства надъ человѣческой толпой, надъ порядкомъ и ладомъ, съ которымъ все въ мірѣ свершается, надъ плодами непредвидѣнными, которые возрастаютъ на деревьяхъ, привитыхъ человѣческой рукой. Пусть иоправитель всякаго безправія, Киркоръ, падаетъ жертвой чистыхъ своихъ замысловъ; пусть Грабецъ милуетъ кухню Киркора; пусть воздушная Гонлана влюбляется въ румянаго парня, а сентиментальный Филонъ ищетъ умышленно любовныхъ

мученій и умершей возлюбленной; пусть тысяча анахронизмовъ поразить спящихъ въ гробахъ историковъ и лѣтописцевъ; но, если все это имѣетъ внутреннюю силу жизни, если создалось оно въ головѣ поэта по законамъ Бога, если вдохновеніе было не бредомъ, а слѣдствіемъ той дивной власти, которая нашептываетъ на ухо слова никогда еще доселѣ не услышанныя, а глазамъ показываетъ существа никогда даже и во снѣ не видѣнныя, если поэтический инстинктъ былъ счастливымъ разсудка, который не разъ то или иное осудилъ, тогда Балладина, вопреки разсужденію и исторіи, пробудетъ королевою Польши, а молнія, упавшая на минутное ея владычество, блеснетъ и разсѣетъ мглу дѣяній минувшаго.

„Усмѣхнись же теперь, Иридіонъ, ибо вотъ, по примѣру Французскихъ поэтовъ, я скажу тебѣ, что „Балладина“ является лишь эпизодомъ одной великой поэмы, въ стилѣ Аріосто, который долженъ вступить въ правильную связь въ ряду шести трагедій или же драматическихъ хроникъ. Уже тѣни разныхъ небывшихъ людей вышли изъ мглы предсознанія и окружаютъ меня шелестящею толпою; нужно только, чтобы они собрались въ отдѣльныя кучки, чтобы дѣянія ихъ сложились въ пирамиды событій, и одну горсточку за другой я буду выталкивать въ міръ; и сбудутся, быть можетъ, сны моего дѣтства. Сколько ужъ, сколько разъ, смотря на старый замокъ, вѣщающій развалинами холмъ моего родного городка (—Креме-